

Сказав это, он взял кинжал из рук Гуаньсинь и продвинул его на полдюйма вперёд. Лезвие пронзило кожу, и ярко-красная кровь сразу же потекла по мелкому желобку, капая на пол. Красный цвет, отражаясь на сером камне, превратился в фиолетовый. Му Цинфэн почувствовал, будто тонкий кусочек мяса был срезан с его сердца, обнажив его на воздухе. Он видел, как он истекает кровью, он чувствовал боль, но был бессилён что-либо сделать.

— Отпусти его, я умолю императора простить Ван Цзинфэя от смертной казни, — тихо произнёс Му Цинфэн. Он ненавидел себя за самоуверенность. Это ли то, чего он ждал?

Гу Шаобай не отрывал от него взгляда. В этот момент в его глазах был только он.

Он чувствовал, как кинжал врезается в его плоть, чувствовал, как тёплая кровь течёт, но он даже не пошевелился и не испугался. Теперь он понял, что готов умереть за него!

Как хорошо, что даже отправляясь в ад, он может держать в сердце такого человека!

— Нет, не нужно, — Ван Сыдао даже не подумал, прежде чем отказать Му Цинфэну. — Моего сына не стоит беспокоить императора и князя. Пусть всё идёт своим чередом.

— Что ты хочешь? — В глазах Му Цинфэна загорелся резкий огонь.

Ван Сыдао усмехнулся:

— Спасти его не так уж сложно, — он поднял бровь, и Гуаньсинь бросила что-то. Му Цинфэн поймал это в руку — это была пилюля с отвратительным запахом.

— Съешь это, и я отпущу его!

Му Цинфэн, не раздумывая, поднес пилюлю ко рту.

— Нет! — крикнул Гу Шаобай.

— Афэн!

Император, долгое время молчавший, резко встал и быстро спустился с тронной платформы:

— Что ты делаешь!

— Ваше Величество, — лицо Му Цинфэна было спокойным, как осенняя вода. Его взгляд, полный печали, был направлен на императора. Он тихо выдохнул и прошептал:

— Я должен спасти его.

Император нахмурил брови:

— Нет, я не позволю!

Лёгкая улыбка мелькнула на губах Му Цинфэна и отразилась в глазах:

— Ваше Величество, я заслуживаю смерти, но позвольте мне послушаться вас в этот раз.

С этими словами он быстро поднёс пилюлю ко рту и проглотил её.

Император смотрел на него, поражённый. В его глазах была любовь и решимость. Эти

холодные глаза, которые всегда были как лёд, никогда раньше не выражали таких чувств!

Ван Сыдао засмеялся, глядя в небо:

— Му Цинфэн, когда ты убивал Биньэра, думал ли ты, что настанет такой день? Этот яд называется «Сжигание сердца». Через три дня твои внутренности сгорят...

Он повернул взгляд на Гу Шаобая и прошептал, как будто говорил сам с собой:

— Ты хочешь умереть вместе с ним? К сожалению, я не дам тебе такого шанса. Я сказал, что ты умрёшь у него на глазах...

Не успел он закончить, как поднял кинжал и направил его в сердце Гу Шаобая.

В мгновение ока серебряный шнур, как дракон, обвил руку Ван Сыдао. Кинжал был всего в дюйме от сердца Гу Шаобая, но больше не мог двигаться.

Му Цинфэн ждал этого момента и, конечно, не упустил его. Он дернул шнур, и Ван Сыдао взлетел в воздух, а затем с грохотом упал на пол.

Лязг! Кинжал упал на пол, и в тот же момент Ван Сыдао выплюнул струю крови на блестящий пол. Затем его крепко схватили охранники, и он больше не мог поднять голову.

Он лежал на боку, прижавшись щекой к холодному полу, и хихикал:

— Ах, раз ты не хочешь, чтобы он умер первым, тогда вы отправитесь в ад вместе...

Гу Шаобай был крепко обнят Му Цинфэном. Он хотел сказать, что он глуп, хотел сказать, зачем он это сделал, но слёзы залили его грудь, и тысячи слов застряли в горле, не находя выхода.

В мире всегда есть то, что связывает, и это делает жизнь стоящей!

Всё, что прошло перед глазами, как дым в ветру, десять ли ветра, луна, звёзды и пыль — всё это исчезло, оставив только искреннее сердце, и этого достаточно!

Му Цинфэн одной рукой разорвал верёвки на его запястьях и внимательно осмотрел его лицо и конечности:

— Шаобай, как ты? Где болит?

Гу Шаобай покачал головой и снова уткнулся в его грудь. Шум битвы, крики и грохот вокруг стали тихим фоном. В этот момент только он, только он был опорой. Он не мог поверить, что это судьба!

Огромный переворот быстро исчез, как будто его и не было.

Жители столицы, случайно упомянувшие о ночных криках и звуках битвы, быстро услышали опровержение от управляющего Цзинлином: это были власти, ловившие ночью опасного преступника.

Итак, мнение сразу изменилось, и люди начали хвалить власти за то, что они день и ночь ловят преступников, чтобы защитить покой.

Кого волнуют тела, вывезенные ночью, и кровь, скрытая под снегом?

Победитель становится королём, а побеждённый — изгоем. Не нужно ждать заключения, всё уже решено!

Врачи из Императорской больницы сменяли друг друга, как в карусели.

Яд «Сжигание сердца» был невероятно сильным. Врачи дворца умели лечить болезни, но когда дело доходило до ядов, они уступали Ли Чжишаню.

Но даже у Ли Чжишаня были пределы.

Неизвестно, где Ван Сыдао достал такой коварный яд. Ли Чжишань никогда не слышал о таком яде, и у него не было пилюли для изучения. Он ведь не мог вскрыть живот Му Цинфэна.

Ли Чжишань задумался на мгновение и сказал:

— Князь, раз этот яд сжигает внутренности, его природа должна быть крайне горячей. Давайте попробуем «Пилюлю Возвращения к Истоку». В ней есть ингредиент под названием «Биньданцзы», который крайне холоден. Противоположности могут уничтожить друг друга, и это может спасти.

Гу Шаобай, вернувшись в княжеский дворец, всё время молчал. Он сидел на стуле, наблюдая, как врачи приходили и уходили, и ни разу не проронил ни слова.

Услышав слова Ли Чжишаня, он вдруг вскочил со стула и достал из кармана нефритовый флакон. К счастью, когда Ван Сыдао схватил его, он не обыскал его.

Му Цинфэн давно чувствовал, что с Гу Шаобаем что-то не так. Вспомнив последние слова Ван Сыдао, он вдруг схватил Гу Шаобая за запястье:

— Шаобай, Ван Сыдао сказал, что мы отправимся в ад вместе. Что он имел в виду? Он уже был схвачен и не мог убить тебя. Почему он так сказал? — Его чёрные глаза смотрели на него, и он медленно произнёс:

— Он тоже дал тебе яд?

Гу Шаобай отвёл взгляд, глядя на луч солнца, упавший на его туфли, и тихо кивнул.

Он поднял глаза на него, не зная, что чувствует в этот момент. Не страх, не растерянность, не печаль. Просто он чувствовал, что с ним рядом жизнь и смерть были одинаково спокойны.

Гу Шаобай наклонил голову, его длинные ресницы, как маленькие веера, открывались и закрывались. Му Цинфэн, не сдерживая радости, поцеловал его запястье, с облегчением выдохнул, взял флакон, высыпал пилюлю в ладонь и проглотил её. Затем, улыбаясь, обнял его и тихо прошептал ему на ухо:

— Дорогой, я сначала попробую лекарство. Если оно подействует, мы выживем вместе. Если нет, мы умрём вместе...

Наблюдая, как лёгкий румянец покрывает лицо Гу Шаобая, Му Цинфэн почувствовал огромное облегчение. Наконец-то он смог сделать что-то, чтобы искупить прошлые ошибки. Даже если он действительно умрёт, это хоть немного вернёт долг, чтобы он мог вспоминать, что были моменты, когда он был добр к нему.

Тёплое дыхание, как лёгкая волна, прошло по всему телу Гу Шаобая. Его лицо покраснело, как будто покрытое киноварью. Он улыбнулся и тихо сказал:

— Хорошо.

Он подумал, как хорошо, что только если ты жив, я могу жить!

Когда Му Цинфэн проглотил «Сжигание сердца», он подумал только об одном: на небесах или в аду, я буду с тобой!

Два часа спустя Ли Чжишань проверил пульс Му Цинфэна и с радостью обнаружил, что яд действительно нейтрализован на девять десятых.

Остаток яда можно было вывести за пару доз лекарства!

Му Цинфэн, пережив огромную радость, узнал, что вторую «Пилюлю Возвращения к Истоку» Гу Шаобай уже отдал кому-то другому.

— Что же делать? — Гу Шаобай сморщил нос и моргнул. — Афэн, лекарства больше нет?

Му Цинфэн рассмеялся, глядя на него. Без барьеров, без скрытых мыслей, сбросив жёсткую оболочку, это был тот Шаобай, которого он хотел. Он ущипнул чистое и прозрачное лицо Гу Шаобая:

— Я сейчас пойду во дворец и попрошу императора дать ещё.

Он приблизился к носу Гу Шаобая, слегка потеревшись, а затем легонько поцеловал его в губы:

— Дорогой, жди...

Гу Шаобай смущённо улыбнулся и легонько толкнул его:

— Что за глупости...

Му Цинфэн с гордостью ушёл.

Гу Шаобай смотрел, как его фигура растворяется в зимнем солнце, словно входила в сон. Он не знал почему, но его сердце болело, и он хотел плакать. Он стоял, замороженный, долгое время...

Вспоминая каждый шаг, который они прошли вместе, каждый шаг был полон опасности и нежности. Он боролся, колебался, всегда пытался держаться подальше, но сердце не слушалось.

<http://bllate.org/book/16730/1539014>